U 42/1953

XXVI 2 нр 54
И 42/1953

УЧАСТІЕ ДРЕВЛЕ-РУССКИХЪ АРХІЕРЕЕВЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ.

(ВЪ ПЕРІОДЪ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ).

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Кіевскаго Губернскаго Управленія.

1870.

(Изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи).

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА
6996244

УЧАСТІЕ ДРЕВЛЕ-РУССКИХЪ АРХІЕРЕЕВЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ.

Положеніе архіереевъ въ древней Руси было далеко не таково, какимъ оно является въ эпоху послѣ-петровскую. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только сличить предѣлы архіерейской власти, какъ они обозначаются по *церковному уставу* св. Владиміра и по *духовному регламенту* и другимъ узаконеніямъ Петра Великаго. По *церковному уставу* св. Владиміра число лицъ, подлежащихъ исключительно суду архіерейскому, весьма велико. Сюда кромѣ лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію—относятся еще слѣпецъ, хромецъ, задушный человѣкъ (т. е. рабъ, отпущенный господиномъ на волю по духовному завѣщанію), сторонникъ, и—по нѣкоторымъ спискамъ—лѣчецъ (врачь), прощеникъ (т. е. получившій чудесное исцѣленіе), вдова, калѣка, прикладень (т. е. находящійся подъ церковною эпитеміею) и паломникъ. По узаконеніямъ Петра Великаго архіереи не могли управлять даже собственными крестьянами, приписанными къ той или другой архіерейской каѳедрѣ; даже духовныя лица, обвиняемыя въ политическихъ преступленіяхъ, были судимы свѣтскимъ судомъ и отсылаемы къ архіереямъ только для снятія сана.—По *уставу* св. Владиміра не только вышеисчисленные классы людей были въ архіерейскомъ завѣдываніи, но и все остальное народонаселеніе русской земли подлежало архіерейскому суду: а) во всѣхъ преступленіяхъ противъ

вѣры и церкви, и б) въ дѣлахъ семейныхъ, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ частности суду архіереевъ подлежали: а) еретичество, волшебство и колдовство и укоризна въ нихъ, и еще—по нѣкоторымъ спискамъ—святотатство, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, поврежденіе могилъ или церковныхъ стѣнъ, введеніе животныхъ во храмъ безъ нужды и другія, совершаемыя во храмѣ неблагочинія, и наконецъ грѣхи двоевѣрія—моленія подъ овиномъ, въ рощѣ или у воды; б) похищеніе женъ, вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, драка между мужемъ и женою объ имѣніи, обличенное прелюбодѣяніе, разводъ, побои родителямъ отъ дѣтей, тяжбы о наслѣдствѣ, и еще—по нѣкоторымъ спискамъ—обвиненіе въ незаконномъ сожительствѣ, неблагопристойная защита мужа женою, покинутіе матерью незаконнорожденнаго дитяти, противуестественные пороки. Епископу же принадлежало наблюденіе за правильностію вѣсовъ и мѣръ [1]). Только дѣла о разводѣ и о бракѣ въ близкихъ степеняхъ родства остались исключительно подлежащими суду архіерейскому по узаконеніямъ Петра I.

Различно было юридическое положеніе русскихъ архіереевъ въ первомъ и послѣднемъ періодѣ русской исторіи; различно было и отношеніе ихъ къ обществу, степень и характеръ ихъ участія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить объ участіи древле-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Митрополиты кіевскіе и древніе южнорусскіе епископы дадутъ намъ собирательный типъ русскаго архіерея, живущаго и дѣйствующаго среди княжескихъ междоусобій: владыки новгородскіе представятъ намъ образъ архіерея, пасущаго свободолюбивыхъ вѣчниковъ.

---

[1]) О ц. уставѣ Владиміра см. пр. Макарія ист. р. ц. т. I. 118—138; 267—278.

I.

Еще прежде начала удѣльнаго періода и утвержденія митрополичьей каѳедры въ Кіевѣ, еще при св. Владимірѣ мы видимъ уже примѣры участія древле-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ. «Жилъ Владиміръ въ страхѣ Божіемъ», (говоритъ начальный лѣтописецъ), и умножились разбои. И сказали епископы Владиміру: вотъ умножились разбойники; отчего не казнишь ихъ? А онъ отвѣчалъ: боюсь грѣха. Епископы же возразили: ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ а добрымъ на милованье: слѣдуетъ тебѣ казнить разбойниковъ, но съ испытаніемъ. И Владиміръ, отвергнувъ виры (т. е. право денежнаго вознагражденія за преступленія) началъ казнить разбойниковъ. И сказали (конечно уже послѣ болѣе зрѣлаго размышленія) епископы и старцы: воевать приходится много; пусть лучше вира будетъ употребляться на оружіе и коней». Владиміръ согласился и на это, т. е. отмѣнилъ смертную казнь и опять возстановилъ виры[1]). Не будемъ строго осуждать древле-русскихъ архіереевъ за то, что они дали Владиміру совѣтъ, по видимому столь несогласный съ духомъ религіи любви и мира. Быть можетъ разбои были слишкомъ наглы и безчеловѣчны; быть можетъ эти умножившіеся разбойники (по весьма вѣроятной догадкѣ г. О. Миллера) были ни кто иные, какъ кіевляне, не захотѣвшіе креститься, и убѣжавшіе изъ города по боязни княжескаго гнѣва, слѣдовательно враги не только общества, но и христіанской вѣры, поэтому самому наиболѣе антипатичные архіереямъ; быть можетъ греческое уголовное законодательство подсказывало епископамъ такое суровое отношеніе къ преступникамъ[2]). Какъ бы то ни было, но довольно того, что архіереи сами скоро раскаялись въ своемъ

---

[1]) Макарія Ист. р. ц. I, 144. Собр. р. лѣт. I. 54.

[2]) Макарія Ист. р. ц. I. прим. 292.

суровомъ совѣтѣ, и сами же предложили Владиміру возвратиться къ болѣе мягкимъ мѣрамъ наказанія преступленій.

Скупая на всякаго рода извѣстія лѣтопись не говоритъ намъ ничего о другихъ совѣтахъ по дѣламъ общественнымъ, даваемыхъ Владиміру архіереями; но что такіе совѣты были, въ этомъ нельзя сомнѣваться. М. Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Владиміру, говоритъ: «ты часто собираясь съ новыми отцами нашими,—епископами,—съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ христіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа[1])». При неразрывной связи религіи съ жизнію общественною совѣты архіереевъ Владиміру необходимо должны были касаться и того, какъ перестроить весь строй общественной жизни согласно съ началами христіанства. Съ свойственнымъ себѣ гостепріимствомъ Владиміръ собиралъ къ себѣ архіереевъ во дни праздничные. Въ эти дни Владиміръ поставлялъ три трапезы, изъ которыхъ первая была назначена для митрополита, епископовъ и духовнаго чина[2]). Что́ было говорено архіереями на этихъ духовныхъ пиршествахъ, осталось неизвѣстнымъ, но конечно бесѣда вращалась не около однихъ только отвлеченныхъ вопросовъ христіанскаго вѣроученія. По народнымъ былинамъ *о Владим-рѣ и его богатыряхъ* на пиршествѣ гостепріимнаго князя находится и владыка Черниговскій. Онъ принимаетъ довольно живое участіе въ томъ, что совершается предъ его глазами, и предъ поединкомъ Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, держитъ закладъ за Алешу[3]).

Умеръ св. Владиміръ, «красное солнышко» земли русской, (15 іюля 1015); умеръ послѣ долгаго и благополучнаго государствованія и сынъ его Ярославъ Мудрый († 1054), постро-

---

[1]) Филарета, Русскіе святые, іюнь стр. 101.

[2]) Филарета, Русскіе святые, іюнь стр. 103.

[3]) Сахарова, Сказ. р. нар. т. I ч. IV.

ившій Кіево-Софійскій соборъ и уставившій при немъ митрополію. Послѣ Ярослава настало время удѣльныхъ распрей; «сѣялись и разрастались на Руси междоусобія; среди княжескихъ крамолъ сокращался вѣкъ людской; въ тѣ времена рѣдко русскія равнины оглашались пѣснями поселянъ; но часто каркали вороны, дѣля трупы человѣческіе, и галки перекликались между собою. Русскому человѣку приходилось горько жалѣть, что нельзя стараго Владиміра пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ», т. е. сдѣлать безсмертнымъ[1]).

Чтоже дѣлали Кіевскіе митрополиты и другіе русскіе архіереи среди совершавшихся предъ ихъ глазами удѣльныхъ распрей? Равнодушными къ этимъ распрямъ архіереи оставаться не могли, во 1-хъ потому что отъ усобицъ лилась кровь христіанская и страдала паства; въ 2-хъ потому что княжескіе договоры, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія князей, скрѣплялись религіознымъ обрядомъ *цѣлованія креста*, и притомъ въ присутствіи архіереевъ или другихъ духовныхъ лицъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ приглашаютъ Олега въ Кіевъ слѣдующими словами[2]): «поиди къ Кіеву, да поряду положимъ о русской землѣ *предъ епископы и игумены* и предъ мужи отецъ нашихъ...» И хотя гордый Олегъ отвѣчалъ: «нѣсть мене лѣпо судить епископомъ или игуменомъ или смердомъ нашимъ бояромъ», но самое приглашеніе указываетъ на существовавшій обычай заключать договоръ въ присутствіи духовныхъ лицъ. Иначе впрочемъ и быть не могло, такъ какъ торжественное цѣлованіе креста считалось самымъ существеннымъ дѣйствіемъ при заключеніи договора. Увы! и этотъ символъ вѣчнаго спасенія христіанъ—*честный и животворящій крестъ*, большею частію оказывался недостаточнымъ, чтобы

---

[1]) Слово о Полку Игоревѣ.

[2]) Никон. лѣт. подъ 1096 г. въ собр. лѣт. IX, 125.

сдержать въ предѣлахъ справедливости и умѣренности князей со взволнованными и разнуздавшимися страстями [1]).

При всемъ томъ мы встрѣчаемъ не особенно много извѣстій о дѣятельности архіереевъ среди княжескихъ распрей. Много усобицъ начиналось и оканчивалось безъ того, чтобы архіереи становились къ нимъ въ какое нибудь опредѣленное и отмѣченное лѣтописцемъ отношеніе. Самая простая причина этого явленія—та, что почти всѣ митрополиты Кіевскіе въ до-монгольскій періодъ (20 изъ 23) были греки; греки же были многіе епископы, возсѣдавшіе на другихъ русскихъ каѳедрахъ. Архіерею, греку, прибывшему на Русь изъ Византіи, естественно нужно было употребить много времени, чтобы выучиться по русски, приглядѣться къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, ознакомиться съ своими пасомыми, и въ этомъ проходила наибольшая часть святительскаго служенія. Но эта причина довольно безучастнаго отношенія русскихъ архіереевъ къ княжескимъ распрямъ далеко не главная и не единственная. Если бы на мѣстѣ православныхъ архіереевъ были римскіе бискупы, они конечно поспѣшили бы воспользоваться всякою усобицею для посильнаго осуществленія своей идеи о теократическомъ государствѣ. Но православные архіереи были слишкомъ честны, прямодушны и преданіями православія не пріучены къ тому, чтобы среди бѣдствій паствы преслѣдовать какія либо своекорыстныя клерикально политическія тенденціи. Они умѣли только молиться и возлагать надежду на Бога, что Онъ устроитъ судьбу Руси къ лучшему. Иного почти и не оставалось

---

[1]) Подъ 1146 г. находимъ въ лѣтописи примѣръ особеннаго заклятія, употребленнаго епископомъ въ дополненіе къ крестному цѣлованію. «Епископъ же Черниговскій Онуфрій пресвитерамъ своимъ рече: *аще кто сего цѣлованія* (Давидовичей къ Игорю) *съступить, да проклятъ будетъ Господскимъ 12 праздникомъ*. И по малѣ дній съступиста Давидовича крестное цѣлованіе». Карамзина Ист. г. Рос. II. прим. 290.

дѣлать въ ту мрачную эпоху, когда идеалъ правильнаго государственнаго устройства былъ еще не выработанъ, а перемѣна того или другаго князя на томъ или другомъ княжескомъ престолѣ для общаго блага Руси въ сущности почти ровно ничего не значила. Одного только могли желать русскіе архіереи, чтобы по возможности меньше лилась кровь христіанская. Поэтому всюду, гдѣ они выходятъ на политическую арену, они являются въ качествѣ миротворцевъ и враговъ кровопролитія. Такъ въ 1135 г. м. Михаилъ успѣлъ примирить враждующихъ в. князя Ярополка и Ольговичей, убѣдивъ великаго князя отдать Ольговичамъ то, чего они требовали (т. е. отчину ихъ, города по Сейму). Ольговичи подступили уже подъ самый Кіевъ; Ярополкъ съ большимъ войскомъ готовъ былъ ихъ отразить, какъ миръ былъ заключенъ *ходячю межи ими честному митрополиту Михаилу съ крестомъ*[1]). Въ 1138 г. 8 ноября умеръ Ярополкъ, великій князь Кіевскій. Мѣсто его занялъ братъ его Вячеславъ, *и благослови его пріосвященный Михаилъ, митр. Кіевскій и всея Руси.* Не прошло еще трехъ недѣль, какъ на Кіевскій престолъ явился новый претендентъ въ лицѣ Всеволода Ольговича, который, подступивъ къ Кіеву съ большими силами, послалъ сказать Вячеславу: «поиди добромъ изъ града Кіева». Что было дѣлать? Вячеславъ, по совѣту митрополита, во избѣжаніе кровопролитія, согласился безъ боя уступить своему сопернику; *преосв. же Михаилъ, м. Кіевскій и всея Руси, смири ихъ и утверди ихъ крестомъ честнымъ*[2]). Въ 1149 г. воевали между собою Юрій Долгорукій и племянникъ его Изяславъ, великій князь Кіевскій. Такъ какъ великій князь находился тогда въ Переяславкѣ, то дѣло миротворца взялъ на себя Евфимій, епископъ

---

[1]) Соловьева Ист. Россіи II, 108 прим. 204.

[2]) Никон. Лѣтопись подъ 1138 г. въ Собр. р. л. IX, 163.

Переяславскій. «*Княже*», говорилъ Евфимій Изяславу, «*мирися съ дядею своимъ, да благо будетъ ти отъ Христа Бога и державу свою избавиши отъ великихъ бѣдъ*». Изяславъ не послушался неоднократныхъ внушеній епископа, и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе[1]).

Любовь къ миру и отвращеніе отъ кровопролитія простирались въ русскихъ архіереяхъ до такой степени, что они предлагали миръ и забвеніе обидъ даже тамъ, гдѣ справедливость требовала бы наказанія за преступленіе. Самыя возмутительныя событія въ исторіи княжескихъ отношеній удѣльнаго періода были: ослѣпленіе Василько (1097 г. нояб. 6) и убіеніе Игоря (1147 г. іюня 5). Василько ослѣпленъ былъ безвинно, будучи вѣроломно захваченъ въ области Святополка, кн. Кіевскаго, по наущенію Давида, кн. Волынскаго; ослѣпленъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ любечскаго съѣзда, на которомъ князья клялись во взаимномъ доброжелательствѣ. Это было, по словамъ Мономаха, такое зло, какого еще не бывало въ русской землѣ. Князья, непричастные этому злому дѣлу (Владиміръ, Олегъ и др.), рѣшились наказать виновниковъ, и подступили съ войсками къ Кіеву, грозно требуя у Святополка отчета, за чѣмъ ослѣпленъ Василько. Святополкъ испугался и хотѣлъ бѣжать. Тогда митр. Никифоръ принялъ на себя обязанность миротворца. Убѣдивши Святополка, чтобы онъ принесъ покаяніе въ своемъ зломъ дѣлѣ, митрополитъ отправился къ князьямъ мстителямъ съ такими рѣчами[2]): «*не мозите погубити русскія земли; аще бо сотворите рать межи собою, поганіи имутъ радоватися, и возмутъ землю нашу, юже бѣша стяжали отцы ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, поборающе по русской землѣ, и иныя земли пріі-*

---

[1]) Ник. лѣтопись подъ 1149 г. въ Собр. р. л. IX, 180.

[2]) Никон. лѣт. подъ 1097 г. въ Собр. р. л. IX, 132.

искиваху; а вы хощете погубити русскую землю, и за то и въ настоящемъ, и въ будущемъ страдати имате; но сотворите межи собою миръ и блюдите земли русскія седного, а брань творите и боритеся съ погаными» Рѣчь митрополита [1]). достигла своей цѣли; дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Убіеніе Игоря Ольговича не менѣе возмутительно, какъ и ослѣпленіе Васильково. Этотъ несчастный князь, лишенный престола, взятый въ плѣнъ и постриженный въ монашество въ кіевскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, былъ убитъ разъяренными кіевлянами, которые порѣшили, что добромъ нельзя раздѣлаться съ потомствомъ Олеговымъ. Родственники убитаго Игоря, конечно—судя по человѣчески, имѣли достаточное основаніе для того, чтобы злобиться на кіевлянъ и кіевскаго князя за смерть Игоря и готовиться къ отмщенію при первомъ удобномъ случаѣ. Но тутъ опять является высшее духовенство съ своимъ примирительнымъ вліяніемъ. Епископъ бѣлгородскій Ѳеодоръ и печерскій игуменъ Ѳеодосій, по порученію Изяслава князя кіевскаго, отправляются къ князьямъ черниговскимъ и приводятъ ихъ къ крестному цѣлованію, что они отложатъ всякую вражду за Игоря и не будутъ впредь злоумышлять на великаго князя [2]).

Архіереи были врагами кровопролитія и тогда, когда подобнаго рода миролюбивыя тенденціи подвергали ихъ нѣкоторымъ

---

[1]) Это тотъ самый митр. Никифоръ, который писалъ нравоучительное посланіе Владиміру Мономаху. См. Макарія ист. р. ц. II, 155, 162.

[2]) Соловьева ист. Россіи II, 157. Еще подобный фактъ. Въ 1228 г. митр. Кириллъ увѣщевалъ Владиміра Рюриковича не мстить Даніилу Романовичу за то, что отецъ Даніила Романъ лѣтъ 25 тому назадъ насильно постригъ въ монахи отца Владимірова Рюрика. Увѣщанія были тщетны. *Такія дѣла не забываются,* говорилъ мстительный Владиміръ. Карамз. Ист. гос. Росс. II. 154, прим. 326.

непріятностямъ. Въ 1135 г. митр. Михаилу пришлось быть въ Новгородѣ въ то время, когда новгородцы сбирались идти войною на Ростовъ и Суздаль. Митрополитъ всячески старался отговаривать новгородцевъ отъ кровопролитія и, когда они не слушались, сказалъ: *аще преслушавъ мене поидете на Суздаль и на Ростовъ, неугодно вамъ будетъ; аще бо и грѣшенъ есмь, но и мене грѣшнаго услышитъ Господь Богъ, молящася Ему со слезами* [1]). Новгородцы стали негодовать на митрополита, задержали его у себя до конца похода и уже потерпѣвъ неудачу, позволили ему возвратиться въ Кіевъ. Отвращеніе отъ кровопролитія въ архіереяхъ было такъ велико, что они въ случаѣ надобности готовы были принять на себя грѣхъ нарушенія крестнаго цѣлованія, чтобы только отстранить кровопролитіе. Такой случай представился въ 1195 г., когда Всеволодъ суздальскій потребовалъ у Рюрика кіевскаго тѣхъ городовъ, которые Рюрикъ уже отдалъ своему зятю Роману, закрѣпивъ свой договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Положеніе Рюрика было затруднительно: отнять города у Романа, значило нарушить крестное цѣлованіе; не исполнить требованія Всеволода, значило навлечь на себя нападеніе могущественнаго врага. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ обратился за совѣтомъ къ митрополиту, и митр. Никифоръ отвѣчалъ слѣдующее: *княже, мы есмы приставлены въ руской земли отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія,... нынѣ азъ снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся, а ты послушай мене, возми волость у зятя своего, дай же старшему; а Романови даси иную въ тоя мѣсто* [2]). Рюрикъ такъ и сдѣлалъ.

---

[1]) Никон. лѣт. подъ 1135 г. въ Собр. р. л. IX, 159.

[1]) Ипатьевск. лѣт. подъ 1195 г. Соловьева ист. р. II, 319. Подобный случай былъ и въ 1127 г., когда Мстиславъ, кн. кіевскій согласно, своему крестному цѣлованію, долженъ быть вооруженною рукою поддерживать Ярослава

Только въ одномъ случаѣ русскіе архіереи отступали отъ своего обычнаго миролюбія; именно, когда дѣло шло о борьбѣ съ иноплеменниками, нападавшими на русскую землю. Мы видѣли выше, что митр. Никифоръ I въ 1097 г., убѣждая русскихъ князей не мстить за ослѣпленіе Василька, въ заключеніе говоритъ: *сотворите межи собою миръ,... а брань творите съ погаными.* Въ 1189 г митр. Никифоръ II мирилъ русскихъ князей (Святослава и Рюрика) и совѣтовалъ имъ бороться съ католиками Венграми, которые завладѣли Галичемъ. «*Се иноплеменницы отняли отчину вашю*»; говорилъ митрополитъ, «*а льпо вы бы потрудитися*» [1]). Въ 1169 г. по случаю неудачнаго набѣга Половцевъ на Плопъ (Полонное), митр. кіевскій Константинъ съ сыномъ своимъ кн. кіевскимъ *съ великою радостію* благодарственно воспѣша [2]). Но за то не было большаго огорченія для архіереевъ, какъ то, если князья дѣлали половцевъ участниками въ своихъ удѣльныхъ распряхъ. Подъ 1138 г. читаемъ, что князь кіевскій Ярополкъ съ большими войсками пошелъ на князей черниговскихъ. Князья черниговскіе—Ольговичи, хотѣли бѣжать къ Половцамъ, конечно съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ свою землю съ полчищами этихъ варварскихъ союзниковъ, но епископъ остановилъ князей такими словами: *аще побѣжите въ Половци, то власть свою погубите, и вспять не можете возвратитися, тако сотворивше. Писано бо есть: Богъ гордымъ противится,*

Святославича противъ племянника его, Всеволода. Тогда, за отсутствіемъ митрополита, андреевскій игуменъ Григорій обратился къ Мстиславу съ увѣщаніемъ, что лучше преступить крестное цѣлованіе, чѣмъ проливать кровь христіанскую. «И совокупи весь соборъ ерейскій, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мстиславу: *на насъ буди тотъ грѣхъ.* Мстиславъ же сотвори волю ихъ, и преступи крестъ къ Ярославу, и плакася того вся дни живота своего». Никон. лѣт. подъ 1127 г. въ Собр. л. IX. 154.

[1]) Ипатьевск. лѣт. подъ 1189 г. Сол. ист. р. II, 315.

[2]) Никон. лѣт. подъ 1169 г. въ Собр. л. IX, 237.

смиреннымъ же даетъ благодать... Смиритеся убо съ вел. кн. Ярополкомъ. Слова эти произвели желаемое дѣйствіе. Старшій изъ Ольговичей, Всеволодъ, отвѣчалъ: «права и истинна есть словеса твоя, отче святый; буди тако, якоже глаголалъ еси» [1]).

Посильное миротвореніе было единственною политическою программою древле-русскихъ архіереевъ. Не видно, чтобы у нихъ были какія-либо любимыя политическія идеи, какія-либо симпатіи или антипатіи къ тѣмъ или другимъ князьямъ; не видно напр. чтобы въ борьбѣ Олеговичей и Мономаховичей, или Мономаховичей старшей и младшей отрасли (потомковъ Мстислава и Юрія), архіереи становились на ту или на другую сторону. Одно было постоянное правило древле-русскихъ архіереевъ при всѣхъ политическихъ перемѣнахъ: печаловаться за слабыхъ и угнетенныхъ. Такъ въ 1101 г., когда Святополкъ князь кіевскій взялъ въ плѣнъ возставшаго противъ него племянника Ярополка и заключилъ его въ оковы; то митрополитъ сталъ умолять князя позволить племяннику жить въ Кіевѣ на свободѣ, *и сняша съ него* (Ярополка) *оковы и пустиша его, укрѣпивше крестнымъ цѣлованіемъ и раками св. страстотерпецъ Бориса и Глѣба* [2]). Такъ когда кіевляне хотѣли убить Игоря Ольговича, то митр. Климентъ усердно, хотя безуспѣшно, умолялъ ихъ пощадить несчастнаго князя—инока [3]). Такъ, когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу галицкому несчастнаго двоюроднаго брата его Ивана Берладника на

---

[1]) Никон. лѣт. подъ 1138 г. въ Собр. л. IX, 169.

[2]) Никон. лѣт. подъ 1101 г. въ Собр. р. л. IX, 137. Сол. II, 72. Предъ ослѣпленіемъ Василька печаловались за него кіевскіе игумены; отсутствіе же ходатайства митрополичьяго объясняется тѣмъ, что митрополита не было тогда въ Кіевѣ. *Увидаша игумени и начаша молитися о Василькѣ Святополку, а митрополиту сущу тогда въ Синемицѣ градѣ.* Собр. л. IX, 130.

[3]) Никон. лѣт. подъ 1147 г. въ Собр. р. л. IX, 173. Сол. II, 175.

вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить юрію: *грѣхъ ти есть, цѣловавши къ нему крестъ, держати въ толицѣй нужи, а и еще хощеши выдати на убійство*, и Юрій послушался митрополита [1]). Такъ митр. Никифоръ ходатайствовалъ предъ кіевскамъ княземъ Рюрикомъ за возставшаго противъ него зятя его Романа, и, по ходатайству митрополита, Романъ снова получилъ волость [2]).

Любовь архіереевъ къ миротворству, а можетъ быть и умѣнье миротворить были причиною того, что князья отправляли иногда епископовъ въ качествѣ пословъ для мирныхъ переговоровъ. Конечно это бывало не часто, въ особенно важныхъ случаяхъ: обыкновенно же являются послами въ удѣльный періодъ бояре и священники. Кромѣ указанныхъ выше, намъ извѣстны слѣдующіе случаи посольства епископскаго: въ 1210 г. митр. Матѳей ѣздилъ ко Всеволоду суздальскому посломъ отъ Ольговичей [3]): въ 1187 г. черниговскій епископъ Порфирій ѣздилъ въ Суздаль ходатайствовать предъ Всеволодомъ за князей рязанскихъ и совершилъ это ходатайство при помощи владимірскаго епископа Луки [4]); въ 1206 г. смоленскій епископъ Михаилъ ѣздилъ къ тому же Всеволоду ходатайствовать о прощеніи своего князя [5]); въ 1288 г. епископъ перемышльскій Мемнонъ ѣздилъ ко Владиміру Васильковичу Волынскому отъ Льва Даніиловича Галицкаго просить бретскаго удѣла *на свѣчу для гроба Даніилова* и т. д. [6]).

Не легко бывало архіереямъ быть миротворцами, особенно не легко, потому что не видно было полезныхъ слѣдствій. Митр.

---

[1]) Ипатьевск. л. подъ 1156 г.

[2]) Солов. ист. р. II, 322.

[3]) Соловьева ист. р. II, 346.

[4]) Солов. ист. р. II, 348.

[5]) Сол. ист. р. II, 352.

[6]) Карамз. IV, прим. 175.

Михаилъ, который всего болѣе любилъ быть миротворцемъ, наскучивъ непрерывными волненіями, удалился въ 1156 г. въ Константинополь и не возвращался. «Отшедшу же преосв. Михаилу, митр. кіевскому и всея Руси къ патріарху въ Царьградъ, (говоритъ объ этомъ лѣтопись) и тамо ему сущу, *услыша напаче многи волны и которы въ Кіевѣ и всей русской землѣ и того ради не приложи возвратитися на свой столъ въ Кіевъ*» [1]).

Справедливость требуетъ замѣтить, что лѣтописи сообщаютъ намъ два случая непохвальнаго участія архіереевъ въ дѣлахъ политическихъ. Такъ митр. Константинъ Грекъ, прибывшій въ Кіевъ въ 1156 г., проклялъ память покойнаго великаго князя Изяслава Мстиславича, желавшаго установить самостоятельную, независимую отъ константинопольскаго патріарха, русскую іерархію. Но вѣроятно впослѣдствіи совѣсть мучила митр. Константина, что доказывается его страннымъ завѣщаніемъ, въ которомъ онъ просилъ лишить себя чести погребенія [2]). Такъ въ 1164 г. черниговскій епископъ Антоній игралъ весьма двусмысленную роль въ исторіи взаимныхъ отношеній князей черниговскихъ, но за то лѣтопись и отмѣтила о немъ: епископъ Антоній [3]) «молвляше, лесть тая въ собѣ, бяше бо родомъ гречинъ».

Удѣльныя междоусобія продолжались до самого татарскаго нашествія. Миролюбивое вмѣшательство архіереевъ мало могло ослаблять эти распри. Нашествіе татаръ дало нашимъ предкамъ болѣе дѣйствительное нравоученіе. Подъ тяжестію гро-

---

[1]) Никон. лѣт. подъ 1156 г. въ Собр. р. л. IX, 205. Случалось также, что гнѣвъ князя на извѣстную область, обрушивался на епископа, предстательствовавшаго за свою паству. Такъ было съ рязанскимъ епископомъ Арсеніемъ въ 1208 году. Сол. ист. р. II, 351.

[2]) Карамз. ист. Росс. II, 168. 174.

[3]) Карамз. ист. гос. Росс. II, 181, прим. 406.

маднаго общаго бѣдствія стали стихать княжескія ссоры и пе рекоры. Заря лучшаго будущаго стала появляться въ Москвѣ. Московскіе государи, справедливо названные *собирателями земли русской*, стали объединять подъ своею державою всю Русь, чтобы тѣмъ удобнѣе избавить ее отъ ига татарскаго. Русскіе митрополиты, со временъ св Петра (1325 г.) поселив шіеся въ Москвѣ, а вслѣдъ за ними и другіе архіереи, скоро усвоили новый политическій идеалъ, обѣщавшій Россіи лучшее будущее, и усердно стали помогать московскимъ государямъ въ объединеніи Руси. Началась новая эпоха въ исторіи участія архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, эпоха,—изображеніе которой уже не составляетъ задачи настоящаго очерка. Видимъ впрочемъ и въ эту эпоху остатки прежняго исключительно примирительнаго участія архіереевъ въ княжескихъ отношеніяхъ. Подъ 1296 г. читаемъ: «бысть нелюбье межи князи: Андреемъ, великимъ княземъ, Иваномъ переяславскимъ, Даниломъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ: и сведе ихъ на любовь владыка Симеонъ и владыка Измайло». Подъ 1301 г.: «заратися Иванъ князь, да Константинъ, смири ихъ владыка Симеонъ». Въ 1480 г. рознь, возникшая между вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ и братьями его Андреемъ и Борисомъ прекращена и средничествомъ митр. Геронтія, архіепископа Вассіана и Троицкаго игумена Паисія [1]).

Но эти примѣры—только запоздалые остатки архіерейской примирительной дѣятельности прежняго періода.

II.

Владыка вольнаго Новгорода принималъ гораздо большее участіе въ общественныхъ дѣлахъ своей паствы, чѣмъ всѣ другіе древле-русскіе архіереи, взятые въ сложности.

---

[1]) Сергѣевича. Князь и вѣче. стр. 136.

Обширное участіе въ дѣлахъ общественныхъ было пріобрѣтено владыками новгородскими не съ самаго учрежденія епископской каѳедры въ Новгородѣ. Первые 8 новгородскихъ епископовъ: (Іоакимъ Корсунянинъ, Лука Жидята, Стефанъ, Ѳеодоръ, Германъ, Никита, Іоаннъ попинъ и Нифонтъ) присылаемые въ Новгородъ изъ Кіева и избираемые отчасти изъ иноковъ печерскаго монастыря,—судя по лѣтописямъ—принимали слабое участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, за исключеніемъ развѣ послѣдняго изъ нихъ Нифонта. Въ 1156 г. по смерти владыки Нифонта въ первый разъ избранъ былъ на новгородскомъ вѣчѣ новый епископъ Аркадій. Съ этого времени начинается періодъ значительнаго участія владыкъ въ дѣлахъ гражданскихъ, продолжающійся 325 лѣтъ (1156—1480) до самаго паденія Новгорода и объемлющій собою времена управленія одного епископа (Аркадія) и девятнадцати архіепископовъ (Іоанна—Иліи, Григорія—Гавріила, Мартирія Рушанина, Митрофана, Антонія, Спиридона, Далмата, Климента, Ѳеоктиста, Давида, Моисея, Василія—Григорія, Алексѣя, Ивана Хутынскаго, Симеона—Самисона, Евфимія—Емиліана, Евфимія II, Іоны и Ѳеофила); не считая нареченныхъ владыкъ: Арсенія (1223—25) и Ѳеодосія (1422—24). Всѣ вышесчисленные владыки, какъ урожденные Новгородцы и какъ избранники Новгородскаго вѣча, отличались горячимъ патріотизмомъ и усердіемъ ко благу Новгорода; вольный Новгородъ стоялъ въ то время на высокой степени могущества и пользовался почти полнымъ самоуправленіемъ; оба эти обстоятельства содѣйствовали развитію широкаго участія владыкъ въ дѣлахъ общественныхъ.

Такъ какъ основою этого участія служило народное избраніе владыки на вѣчѣ, то скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о самомъ избраніи.

Въ избраніи владыки принимали участіе князь, (когда былъ въ Новгородѣ), посадникъ, тысяцкій, игумены, попы, Софьяне

(т. е. лица, принадлежащіе къ собору Софіи и ко двору владычнему) и многонародное множество новгородцевъ; вообще избраніе владыки принадлежало къ числу дѣлъ, рѣшаемыхъ на вѣчѣ, въ которомъ могли принимать участіе всѣ граждане Новгорода, и которое на этотъ разъ собиралось близъ Софійскаго собора.

Было два способа избранія: 1) безъ жребія и 2) по жребію. Первый способъ былъ наиболѣе употребителенъ въ древнія времена Новгородской жизни. Онъ состоялъ въ томъ, что представители вѣча, «много думавше и гадавше,» останавливались наконецъ на одномъ кандидатѣ, котораго и признавали достойнымъ епископской каѳедры. Впрочемъ избиратели думали, что ихъ избранникъ потому и избранъ, что предопредѣленъ для епископства самимъ Богомъ, почему и называли его *мужемъ, отъ Бога назнаменаннымъ*. Этимъ способомъ были избраны: Аркадій, (1-й владыка этого періода), Іоаннъ—Илья (2-й), Григорій—Гавріилъ (3-й), Антоній (6-й), Арсеній, (временно исправлявшій должность епископа), вѣроятно Далматъ (8)-й, Климентъ (9-й) Ѳеоктистъ (10-й), Давидъ (11-й), Моисей (12-й), Григорій—Василій (13-й); всего 11 владыкъ.

Но такъ какъ вѣче не всегда могло остановиться на одномъ избранникѣ, такъ какъ весьма легко могло явиться разногласіе, то естественно долженъ былъ возникнуть новый способъ избранія: *по жребію*. Онъ состоялъ въ томъ, что избиралось три кандидата; имена ихъ писались на трехъ совершенно одинакихъ жребіяхъ и полагались на престолѣ въ храмѣ св. Софіи; потомъ по совершеніи литургіи преемственно выносились къ народу, дожидавшемуся на вѣчѣ, два жребія, которыя признавались отвергнутыми отъ св. Софіи; послѣдній жребій, оставшійся на престолѣ, содержалъ въ себѣ имя будущаго владыки. Жребій бралъ при избраніи Мартирія слѣпецъ; при избраніи Спиридона малолѣтній княжичь Ростиславъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ протопопъ Софійскаго собора. Этотъ способъ

избранія предпочитался первому, потому что здѣсь яснѣе открывалось указаніе божественнаго промысла; избиратели, — говоритъ лѣтописецъ, «не восхотѣша отъ человѣкъ избранія, но восхотѣша отъ Бога пріяти извѣщеніе.» Сама св. Софія отвергала отъ своего престола двухъ кандидатовъ и изволяла принять третьяго себѣ служебникомъ. Способъ избранія по жребію, возникши въ 1193 г., по поводу споровъ при избраніи Мартирія, сдѣлался особенно употребителенъ въ позднѣйшія времена Новгородской жизни. Этимъ способомъ избраны: Мартирій (4-й, влад. этого періода), Спиридонъ (7-й), Алексѣй (14-й), Иванъ II (15-й), Симеонъ—Сампсонъ (16-й), Ѳеодосій временно исправлявшій должность владыки, Евфимій I (17-й), Евфимій II (18-й), вѣроятно Іона (19-й) и Ѳеофилъ (20-й)—всего 10 владыкъ [1]).

Всѣ владыки Новгородскіе до избранія своего принадлежали къ клиру Новгородской епархіи. Трое изъ нихъ (Іоаннъ—Илья, Григорій—Гавріилъ, Василій—Григорій) были бѣлые священники; остальные были черицы. [2]) Всѣ владыки были природные Новгородцы; два раза въ числѣ кандидатовъ были греки, но жребій не падалъ на нихъ [3]).

---

[1]) Совершенно исключительный случай представляется при избраніи Митрофана (3-го владыки). Въ 1190 г. владыка Мартирій, отправляясь къ в. князю по дѣламъ Новгородскимъ, на дорогѣ умеръ, тогда в. князь Всеволодъ (Большое гнѣздо) самъ распорядился выборомъ ему преемника, и назначилъ Митрофана. Не смотря на то, что кажется этотъ самый Митрофанъ 6 лѣтъ тому назадъ, самими новгородцами былъ поставляемъ въ числѣ кандидатовъ на владычество, новгородцы вѣроятно не ласково посмотрѣли на него, когда онъ явился владыкою помимо народнаго избранія, и впослѣдствіи низвели его со владычества.

[2]) Антоній (6-й) Арсеній, Алексѣй (14-й), Сампсонъ—Симеонъ (16-й) Емиліанъ—Евфимій (9-й) были простые черицы; Спиридонъ (7-й) и Ѳеофилъ (20-й) были діаконы; остальные священноинокі и игумены,—въ томъ числѣ Климентъ (9-й) и Давидъ (11-й), духовники прежнихъ владыкъ.

[3]) Въ 1423 г. былъ нареченъ на владычество Ѳеодосій, уроженецъ чуж-

Какъ скоро избранный владыка съ поклономъ и честію былъ возводимъ на владычній дворъ, тотчасъ — еще до посвященія — начиналось его постоянное участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

И въ первыхъ — *во внѣшней политикѣ Новгорода.* Владыкѣ принадлежало руководительное вліяніе на внѣшнюю политику. Всѣ важныя политическія дѣла, какъ то: заключеніе договоровъ съ другими державами, принятіе князя, объявленіе войны, заключеніе мира совершалось не иначе, какъ съ согласія владыки и по его благословенію. Мы видимъ, что всѣ вообще договорныя грамоты Новгорода съ другими державами начинаются слѣдующею формулою: *благословенге отъ владыки* или если грамота составлялась послѣ войны: *по благословенію пресвященнаго архіепископа В. Новгорода и Пскова, владыки* (имя рекъ).... и проч. Что эта формула была не пустымъ словомъ, это доказывается напр. слѣдующимъ мѣстомъ изъ лѣтописи: «тоя же осени (1398 г.) *по владычню слову и благословенію,* по Иванову,... взяша миръ съ княземъ в. по старинѣ» (собр. рус. лѣт. IV, 141; см. также III, 100). Объ участіи владыки въ пріемѣ князя мы находимъ напр. такое свидѣтельство лѣтописи: въ 1419 г. «пріиде въ Новгородъ съ Москвы князь Константинъ Дмитріевичь: милостію Божіею и *архіепископа Симеона благословеніемъ* пріяша Новгородца въ честь» (собр. р. л. III, 109.) Очень часто (какъ увидимъ ниже) владыка самъ ѣздилъ приглашать въ Новгородъ князя. Объ участіи владыка въ объявленіи войны лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1406 г. когда Псковичи звали Новгородскихъ воеводъ идти войною на Литву, эти послѣдніе отвѣчали: «насъ *владыка не благословилъ* ити на Литву» (собр л. IV, 197). Въ

дой области, *шестникъ*: но новгородцы скоро (еще до посвященія Ѳеодосія) свели его со владычня двора, приговаривая. *не хотимъ шестника владыкою.*

1398 г., по случаю разлада съ в. кн. Василіемъ Димитріевичемъ, Новгородцы били челомъ своему владыкѣ: «благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей,» и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, рекъ имъ тако: поидите св. Софіа пригородовъ и волостей поищите а своей отчины.» (собр. р. л. III, 99). Объ участіи владыкъ въ заключеніи мира лѣтопись сообщаетъ весьма много свидѣтельствъ: напр. подъ 1386 г. записано, что Новгородскіе послы докончали миръ съ Димитріемъ Донскимъ *по владычню благословенію*, а по Новгородскому поклону. (собр. р. л. IV, 94. см. также III, 100; IV, 211). Въ псковской лѣтописи подъ 1434 г. записано: «послаша псковичи послы въ В. Новгородъ миру имать, и помилова Богъ и св. Софія, *и владычне благословеніе*, Псковское челобитье приняли и взяша миръ по старинѣ» (собр. р. л. IV, 208). Въ 1449 г. *по благословенію архіепископа* В. Новгорода и Пскова, Псковичи и Новгородцы взяша миръ на полтретьядцать лѣтъ съ кн. Мстеромъ Ризскимъ и пр. (собр. р. л. IV; 204; см также II, 204; V, 221.)

Уваженіе Новгородцевъ къ своему пастырю, вѣра въ его мудрость, святость и патріотизмъ, были причиною того, что владыкѣ предоставлялось руководительное участіе во внѣшней политикѣ. При допущеніи владыки къ сужденіямъ о войнѣ и мирѣ не мало значило также и то, что у владыки былъ свой полкъ, содержавшійся на его иждивеніи и находившійся въ его распоряженіи. Какъ великъ былъ этотъ полкъ, мы не знаемъ: но должно быть онъ былъ довольно не малъ, потому что въ лѣтописяхъ бездѣйствію владычняго полка приписывается неудача Шелонской битвы (собр. лѣт. V, 88).

Съ особенною силою руководительное вліяніе владыки на внѣшнюю политику Новгорода сказалось въ 1465 г. Тогда,— по словамъ лѣтописи—«бысть рогоза псковичамъ съ Новымъ городомъ *про владычню землю и воду*, что псковичи отняли

у Новгорода, а били имъ (новгородцамъ) челомъ много, абы помогли противъ нѣмцевъ, —и новгородцы не пособиша ни словомъ, ни дѣломъ.» Наконецъ псковичи принуждены были смириться,» и послаша послы своя въ Новгородъ, рвучи: *се вамъ воды и земля владычня, и вси оброки по старинѣ.*» Тогда Новгородцы «взяша миръ со псковскими послы, *а владыка благословилъ.*» (собр. р. л. IV, 229).

Сосѣднія державы (особенно Псковъ и Москва) очень хорошо понимали руководительное вліяніе владыки на ходъ новгородской политики. По этому псковичи, когда имѣли нужду въ Новгородѣ, прежде всего старались расположить владыку въ свою пользу. Въ 1426 и 1431 годахъ псковичи, утѣсняемые литовцами, «*много биша челомъ владыкѣ Евфимію* и всему Новгороду», но тщетно. (Собр. р. л IV, 204; V, 27). Точно также и вел. князья иногда слишкомъ ласкали владыку; иногда, оскорбляемые его постояннымъ сочувствіемъ къ новгородской вольности, сильно гнѣвались на него. Въ лѣтописяхъ часто читаемъ, что въ такомъ-то году владыка (имя рекъ) былъ у в. князя въ Москвѣ *на чести* (Собр. лѣт. III, 71). Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ в. княземъ также находимъ слѣдующее условіе: *а что ты, княже, гнѣвъ на владыку,... то ти нелюбье отложити; а кто ти почнетъ вадити, тому вѣры не яти.* (Акт. арх. т. I, № 91). Причины этой чести и этого нелюбья были конечно политическія [1]).

Давая направленіе новгородской политикѣ, владыка въ то же время былъ ея органомъ и посредникомъ при сношеніяхъ

---

[1]) Когда Дим. Шемяка скрывался въ Новгородѣ отъ преслѣдованій Василія Темнаго, то митр. Іона писалъ ко вл. Евфимію письмо съ убѣжденіемъ выдать Шемяку, (акт. арх. I, № 372); слѣд. предполагалось, что владыка можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ значительное вліяніе.

Новгорода съ другими державами и нерѣдко отправлялся въ качествѣ посла особенно къ великому князю [2]). Не трудно понять, почему это было такъ. Въ Новгородѣ владыка былъ единственный человѣкъ, который во имя своего священнаго сана могъ говорить съ князьями смѣло и свободно, не роняя чести новгородской. Послушаемъ напр., какъ говоритъ вл. Алексѣй съ княземъ Димитріемъ Донскимъ, когда тотъ шелъ войною на

---

[2]) Вотъ важнѣйшіе случаи посольства владычняго. Въ 1172 г. владыка Іоаннъ I ходилъ къ Андрею Боголюбскому, для устроенія *на всю правду* (собр. р. лѣт. III, 15). Въ 1199 г. вл. Мартурій отправился къ вел. кн. Всеволоду за сыномъ (—V, 171). Въ 1222 г. вл. Микрофанъ идетъ къ в. кн. Юрію за кн. Всеволодомъ (—III, 58). Въ 1240 г. вл. Спиридонъ идетъ къ в. кн. Александру за сыномъ (—IV, 37). Въ 1255 г. вл. Далматъ приглашаетъ Александра Невскаго на престолъ въ Новгородъ (—III, 56). Въ 1269 г. вл. Далматъ возвращаетъ въ Новгородъ разгнѣваннаго Ярослава (—III, 61). Въ 1317 г. вл. Давыдъ идетъ къ Михаилу Тверскому для выкупа заложника въ (—III, 72). Въ 1328 г. вл. Моисей идетъ въ Псковъ къ гонимому князю Михаилу Александровичу Тверскому, съ предложеніемъ идти въ орду (—III, 74). Въ 1333 г. вл. Василій ходилъ къ Ивану Калитѣ для мирныхъ переговоровъ. (—III, 77). Въ 1340 г. вл. Василій ходилъ къ в. кн. Симеону Гордому для мирныхъ переговоровъ (—III, 80). Въ 1341 и 1346 годахъ, тотъ же владыка ходилъ къ тому же князю звать его въ Новгородъ (—V, 224; III, 83). Въ 1368 г. вл. Алексѣй ходилъ къ в. кн. Димитрію Донскому для заключенія мира по старинѣ (—III, 99). Въ 1386 г. тотъ же владыка къ тому же князю для мирныхъ переговоровъ (—III, 94). Въ 1397 г. вл. Иванъ II-й ходилъ къ в. кн. Василію Димитріевичу для мирныхъ переговоровъ (—IV, 102). Въ 1428 г. вл. Евфимій I и идетъ въ Псковскую область для мирныхъ переговоровъ съ Витовтомъ (—IV, 205). Въ 1441 и 1456 годахъ вл. Евфимій II-й ходилъ къ в. кн. Василію Темному для заключенія договоровъ Демонскаго и Яжелбицкаго (—IV, 211, 217). Наконецъ въ послѣднюю эпоху Новгородской независимости послѣдній владыка Ѳеофилъ многократно (въ 1471,—72,—77 и—78 гг.) вступалъ въ переговоры съ в. кн. Іоанномъ III о дѣлахъ новгородскихъ (—IV, 242. 25., 258; V, 36. 3 и т. д.). Иногда вмѣсто владыки въ качествѣ посла отправлялся его уполномоченный. Такъ при договорѣ съ шведами 1339 г. является отъ владыки сестричичь его Матѳей (—V, 224); при договорѣ съ Витовтомъ 1327 г. намѣстникъ владычній Парѳей (—V, 26); при договорѣ съ Дим. Донскимъ 1386 г. два архимандрита и иноковъ семь (IV, 94).

Новгородъ и стоялъ уже въ 30 верстахъ отъ города: «княже, тебе благословляю, а вел. Новгородъ весь челомъ бьетъ о миру, чтобы, господине, кровопролитья не было». (Собр. р. лѣт. V, 93). Лучшаго уполномоченнаго не могла найти для себя національная гордость Новгородская. Съ своей стороны и князья, уважая священный санъ, находили сообразнѣе съ своимъ достоинствомъ сноситься со владыкою, чѣмъ съ кѣмъ либо изъ мужей новгородскихъ. Владычня прозьба льстила княжескому самолюбію. Такъ о Витовтѣ говорится, что онъ заключилъ миръ *владычня ради поклона* (Собр. р. л. IV, 205). Точно также о Іоаннѣ III-мъ въ лѣтописяхъ неоднократно говорится, что «отчину свою пожаловалъ и винныхъ людей помиловалъ *ради богомольца своего вл. Ѳеофила.* «Въ частности московскіе князья находили для себя удобнымъ имѣть дѣло съ владыкою, потому самому, что владыка стоялъ въ іерархической зависимости отъ моск. митрополита, и слѣд. не могъ стать въ окончательный разладъ съ Москвою; а Псковъ охотно сносился съ владыкою, потому что чтилъ въ немъ своего собственнаго архипастыря. Наконецъ самъ владыка совмѣщалъ въ себѣ всѣ нужныя условія, чтобы быть органомъ новгородской политики. Онъ былъ по тогдашнему времени человѣкъ наиболѣе просвѣщенный, по своему священному сану вѣстникъ мира и порука ненарушимости договоровъ, горячій патріотъ и отличный знатокъ положенія дѣлъ новгородскихъ.

Велико было участіе владыки *и во внутреннихъ общественныхъ дѣлахъ Новгорода.* Всѣ древне русскіе архіереи (какъ показано на первой страницѣ настоящаго очерка) завѣдывали многими судебными и административными дѣлами, которые нынѣ подлежатъ гражданскому вѣдомству; но владыка новгородскій завѣдывалъ и такими общественными дѣлами, которыя стояли внѣ круга дѣятельности другихъ древле-русскихъ архіеревъ. Владыкѣ принадлежало право *утвержденія* дарст-

венныхъ записей и *жалованныхъ грамотъ*. Такъ напр. жалованныя новгородскія грамоты Соловецкому (акт. арх. I, № 62) и Троицко Сергіеву монастырю (—№ 104) писаны по благословенію владычню и закрѣплены владычнею печатью.

Владыка хранилъ и копилъ общественную казну Новгорода, которая расходовалась новгородцами въ случаѣ какой нибудь важной общественной надобности. Такъ въ 1364 году при вл. Алексіѣ новгородцы «поновиша городъ каменный дѣтинецъ вземше сребро у св. Софіи *изъ палаты владычни Моисѣева копленія*»; (Собр. р. л. III, 228); а въ 1391 г. при владыкѣ Иванѣ «послѣ пожару взяли у св. Софіи съ полатей сребра 10000 *скопленія владычня Алексія* архіепископа» (—III, 233) [1].

Такъ какъ владыка былъ хранителемъ общественной казны, то естественно, что новгородцы просили его благословенія и разрѣшенія при всякомъ общественномъ предпріятіи, требовавшемъ выдачи денегъ. Такъ въ 1352 г. «добиша челомъ новгородцы вл. Василію: чтобы еси, господине, ѣхалъ нарядилъ *костры* въ Орѣховѣ; и онъ ѣхавъ костры нарядилъ» (Собр. р. л. III, 85). Въ 1334 г. вл. Василій «заложи съ своими дѣтьми, съ посадникомъ и тысяцкимъ и со всѣми новгородцы *острогъ каменъ* по оной сторонѣ отъ Ильи святого къ Павлу святому» (—III, 77). Въ 1333 г. владыка каменный городъ покрылъ. Въ 1387 г. «благослови вл. Алексѣй Новгородъ ставити порховъ каменъ; и поставиши городъ каменъ» (—IV, 138).

Такъ какъ владыка, благодаря щедрости новгородцевъ былъ богатый землевладѣлецъ и имѣлъ свою значительную казну,

---

[1]) Вотъ еще приводимые въ лѣтописяхъ случаи пользованія казною Софійскою: въ 1386 г. новгородцы взяли изъ Софійской казны 3000 руб. (Собр. р. л. IV, 94); въ 1387 г.—сколько нужно было для построенія крѣпости въ Порховѣ (—IV, 138); въ 1428 г.—6000 руб (—III, 110), а по другому варіанту 15000 руб. (—V, 26); въ 1441 г.—8000 р. (—III, 143); въ 1456 г.—5000 р. (—IV, 152)

то нерѣдко онъ производилъ траты на общественныя предпріятія изъ своихъ суммъ. Такъ въ 1400 г. «пріѣха вл. Иванъ въ Псковъ и повелѣ посаднику наняти наймитовъ ставити костеръ надъ Псковою, *а владыка свое сребро далъ*» (Собр. р. л. IV, 195). Въ 1477 г. «пріѣха вл. Ѳеофилъ въ Псковъ и часы повелѣ своимъ мастеромъ поставити самозвонъяи на снѣтогорскомъ дворѣ». (Собр. р. л. IV, 254) [1]).

Все, что говорено было нами выше объ общественной дѣятельности владыки, относится ко временамъ мирной и благополучной жизни Новгорода. Но не всегда Новгородъ жилъ благополучно; нерѣдко постигали его и физическія бѣдствія, и внутреннія смуты и разногласія, и политическія несчастія, т. е. притѣсненія отъ сильныхъ сосѣдей. И тогда-то, въ трудныя минуты новгородской жизни владыка выступалъ преимущественно съ характеромъ полезнаго общественнаго дѣятеля и оказывалъ своей паствѣ услуги незамѣнимыя.

1. Дѣятельность владыки во время физическихъ бѣдствій, постигавшихъ Новгородъ и Псковъ.

Физическія бѣдствія,—какъ-то: голодъ, моръ, пожары и проч. въ древней Руси были болѣе страшны и опустошительны, чѣмъ въ настоящее время. Незнакомство съ естественными науками и свойственная русскому народному характеру безпечность не позволяли нашимъ предкамъ принимать нужныя предохранительныя и предостерегательныя мѣры противъ возможныхъ

---

[1]) Быть можетъ къ этому же ряду фактовъ относится слѣд. извѣстіе лѣтописи: въ 1268 г. новгородцы, сбираясь въ походъ на Ливонію, «изъискаша мастеры порочные, и начаша чинити порокы *во владычни дворъ.*» (Собр. р. л. III, 59).

и дѣйствительныхъ бѣдствій. Не было ни карантиновъ на случай мора, ни хлѣбныхъ магазиновъ на случай голода, не могло быть громоотводовъ на случай грозы и т. д, и не давалось никакихъ врачебныхъ пособій при повальныхъ болѣзняхъ. Поэтому бѣдствія, ничѣмъ не предупреждаемыя и не противодѣйствуемыя, развивались обыкновенно до страшныхъ размѣровъ, о какихъ мы не можемъ имѣть понятія въ настоящее время. Голодъ являлся иногда въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ подъ 1130 г.: «изби мразъ на Воздвиженіе Ч. Креста обилье по волости нашей и оттолѣ горе уставися велико.... и разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужія грады и страны братьи нашей и сестръ, а останокъ почаша мерети: и и кто не прослезится о семъ, видяще мертвеца по улицамъ лежащя и младенца отъ песъ извѣдаемы?» (Собр. р. лѣт. III, 46). Пожары иногда бывали такъ часты и сильны, что люди не смѣли жить въ домахъ, но скитались по полю (—III, 81). Моръ бывалъ такъ силенъ, что одинъ здоровый приходился на десять больныхъ и умирающихъ; иные дворы вымирали совсѣмъ, въ иныхъ оставалось по одному, по два человѣка (—IV, 115); во время мора извѣстнаго подъ именемъ *черной смерти*, въ Псковѣ, священники не успѣвали хоронить умершихъ,— на кладбищахъ не было мѣста для погребенія,—такъ что принуждены были хоронить на поляхъ, вдали отъ церкви; испуганные Псковичи думали, что вся область вымретъ безъ остатка. Въ такихъ трудныхъ случаяхъ безоружные противъ бѣдствій Новгородцы и Псковичи естественно искали утѣшенія въ религіи и прибѣгали къ своему владыкѣ, какъ представителю религіи и ходатаю о нихъ предъ Богомъ. Псковичи, имѣвшіе обыкновеніе постоянно ссориться съ владыкою по вопросу о подъѣздѣ и церковномъ судѣ,—въ случаѣ бѣдствія сами посылали за владыкою, надѣясь спастись его предстательствомъ (Собр. р. л. IV, 62. 64. 96). И дѣйствительно во время фи-

зическихъ бѣдствій владыка оказывалъ своей паствѣ услугу незамѣнимую. Онъ возбуждалъ упадшій духъ народа и поддерживалъ въ немъ нравственную энергію, необходимую для благодушнаго переселенія бѣдствій—чрезъ учрежденіе торжественныхъ процессій, крестныхъ ходовъ, постовъ, построеніе обыденныхъ церквей и т. п. дѣйствія, имѣвшія цѣлью смягченіе гнѣва Божія и умилостивленіе Божества. Исчислимъ нѣкоторые примѣры такой дѣятельности владыки во время бѣдствій. Въ 1342 г. по случаю частыхъ пожаровъ «владыка съ игумены и попы замысли постъ и хождаху съ кресты по монастыремъ и по церквамъ, весь градъ, моляще Богу и пресвятѣй Богородицы, дабы отвратилъ отъ насъ праведный гнѣвъ свой» (Собр. р. лѣт. III, 81). Въ 1361 г. «бысть моръ силенъ въ Плесковѣ. и прислаша послове Псковичи ко владыцѣ съ мольбою и съ челобитьемъ, чтобы ѣхалъ въ Плесково, а ихъ бы благословилъ, и вл. Алексѣй послуша мольбы ихъ и моленія, пришедши благослови ихъ отъ велика даже до убога; и абіе обходи со кресты весь градъ Псковъ, и литургіи *три* сверши въ св. Божіихъ церквахъ» (Собр. р. лѣт. III, 87). Тоже самое почти—въ 1352, 1389 и 1390 г. (—III, 85. 95. IV, 96). Въ 1417 г. во время страшнаго мора, «вл. Симеонъ со всею 7 соборовъ и съ христіаны, съ кресты обходи около всего города, моляся Богу и преч. его матери о престатіи гнѣва Божія; а христіане, ови на конехъ, ови пѣши изъ лѣса бервна привозивъ, поставиша церковь св. Анастасіи въ память ея; и свяща ю арх. Симеонъ, того же дни и святи ю, и литургію сверши; а въ остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Иліи» (Собр. р. л. III, 107) и пр. Наконецъ въ 1421 г. 19 мая во время страшной грозы съ проливнымъ дождемъ и даже—по словамъ лѣтописи—съ камнями, являющимися изъ облака, «вл Симеонъ вшедъ въ церковь св. Софіи съ іереи и крилошаны повелѣ молебенъ пѣти пр. Богородицѣ за весь родъ христіанскій о престатіи

гнѣва Божія» (Собр. р. л. III, 109. 139). Несомнѣнно то, что устрояемыя владыкою церк. процессіи весьма благотворно дѣйствовали на поддержаніе въ народѣ мужества и духовной энергіи. Люди все таки не сидѣли сложа руки, уныло дожидаясь грядущихъ бѣдствій, какъ неизбѣжнаго и неотразимаго зла; они все таки предпринимали нѣкоторыя мѣры къ пресѣченію бѣдствій въ ихъ первой причинѣ, и надежда на успѣхъ этихъ средствъ и на возвращеніе милости Божіей давала имъ возможность силою духа преодолѣвать физическія бѣдствія Благотворныя слѣдствія возбужденія духовной энергіи оказывались очень скоро. Послѣ разсказа о торжественныхъ процессіяхъ, совершаемыхъ владыкою, почти всюду читаемъ: «и оттолѣ лучши нача бывати милость Божія, абіе преста моръ!» (Собр. р. л. III, 87) или: «Божіею милостью и св. Софіи стояніемъ, и владычнимъ благословеніемъ преста моръ»; или: «и молитвою владычнею преста моръ» (—III, 95).

Должно замѣтить, что владыка не ограничивался богослужебно-обрядовыми процессіями, но принималъ иногда и внушаемыя практической мудростію мѣры для пресѣченія бѣдствій. Такъ въ 1230 г., когда люди умирали отъ голода и непогребенные трупы валялись по улицамъ, вл. Спиридонъ, опасаясь, чтобы гніеніе труповъ не произвело заразы, устроилъ скудельницу у св. апостолъ и выбралъ надежнаго приставника для погребенія труповъ, которыхъ оказалось 3030 (Собр. р. л. III, 46). Такъ въ 1338 г. когда сильное наводненіе разрушило волховскій мостъ, «дѣлаша мостъ новъ повелѣніемъ влад. Василія; самъ бо владыка присталъ тому и почалъ, и кончалъ своими людьми, и много добра сотвори христіаномъ» (Собр. р. л. III, 78).

Никакая дѣятельность владыки не располагала такъ сильно въ его пользу общественное мнѣніе Новгорода, какъ его дѣятельность во время бѣдствій. Народъ считалъ его ангеломъ-

хранителемъ Новгорода, предстателемъ и молитвенникомъ предъ Богомъ и спасителемъ отъ гнѣва Божія, выражающагося въ физическихъ бѣдствіяхъ. Но не дешево доставалось владыкѣ это уваженіе паствы. Много нужно было самоотверженія, что бы напр. изъ безопаснаго Новгорода идти въ зачумленный Псковъ и совершать тамъ торжественныя молебствія, при полной возможности самому стать жертвою смерти. Влад. Василій, будучи позванъ въ моровой Псковъ, дѣйствительно умеръ на возвратномъ пути оттуда, отъ язвы ли, какъ полагаетъ Карамзинъ, или отъ истощенія чрезмѣрными трудами, какъ думаютъ наши церковные историки; во всякомъ случаѣ эта поѣздка стоила ему жизни. Мало того. Если Новгородцы были увѣрены, что напр. «молитвою владычнею преста моръ», то они легко могли додуматься и до обратнаго заключенія, что сила и продолжительность бѣдствій зависитъ отъ того, что Новгородъ въ лицѣ владыки имѣетъ недостойнаго за себя молитвенника предъ Богомъ. Во имя этихъ соображеній, они дѣйствительно прогнали нареченнаго владыку Арсенія *біюще со владычня двора*, такъ что едва не убили его до смерти, за то, что въ ту осень (1228 г.) шли частые дожди и была продолжительная оттепель, —и это обстоятельство приписывалось недостоинству владыки[1]).

2. *Дѣятельность владыки во время общественныхъ смутъ Новгорода.*

Въ Новгородѣ общественныя смуты составляли очень не рѣдкое явленіе. Причиною этого явленія было разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ слагалась новгородская общественная жизнь, разнохарактерность интересовъ и цѣлей лицъ, прини

---

[1]) По мнѣнію преосв. Филарета, Новгородцы за то низвели владыку Митрофана, что въ томъ году (1211 г.) городъ былъ опустошенъ пожаромъ, истребившимъ до 1300 дворовъ (Рус. святые I, 188).

мавшихъ участіе въ Новгородскомъ управленіи. У князя были свои интересы, у новгородскихъ аристократовъ свои, у народа («у *простой чади*» по выраженію лѣтописи) опять свои. Отъ этого Новгородъ постоянно дѣлился на различныя партіи: были тамъ своего рода аристократы и демократы, поборники народной независимости и *милостивцы княжіе*, приверженцы Москвы и приверженцы Литвы и проч. Не рѣдко по извѣстному вопросу два конца Новгорода держались извѣстнаго мнѣнія, два другіе конца противуположнаго, а остальная часть Новгорода держала нейтралитетъ. Общественная жизнь Новгорода еще не достигла до такой зрѣлости, чтобы изъ борьбы противуположныхъ интересовъ и стремленій выработывалась общая гармонія, чтобы общественное мнѣніе умѣло распознать законную сторону въ стремленіяхъ каждой партіи и заставило каждаго уважать свободу чужихъ мнѣній во имя неприкосновенности свободы своего собственнаго мнѣнія.—Ничего этого не было въ Новгородѣ. Всякая партія уважала законность только своихъ собственныхъ стремленій и добивалась побѣды во чтобы то ни стало, какими бы то ни было средствами: спорный вопросъ рѣшался большею частью господствомъ случайнаго большинства,—при чемъ для убѣжденія иномыслящихъ не скупились на доказательства грубой силы, а слѣдствіемъ этого были драки, кровопролитія, убійства. При такихъ общественныхъ смутахъ Новгорода, владыка очень не рѣдко былъ посредникомъ и примирителемъ враждующихъ.

Мы можемъ различать три степени его примирительной дѣятельности. а) Когда разногласіе касалось только нѣсколькихъ значительныхъ лицъ Новгорода, и не захватывало собою всего новгородскаго общества, то владыка прежде всего старался примирить враждующихъ. Въ 1220 г. кн. Всеволодъ хотѣлъ убить посадника Твердислава. Новгородцы стали на защиту

посадника. Испуганный князь послалъ къ гражданамъ вл. Митрофана «со всѣми добрыми повѣстьми, и сведе ихъ владыка въ любовь, и крестъ цѣлова, и князь и Твердиславъ.» (собр. р. л. III, 38).

б) Когда одна изъ враждующихъ въ Новгородѣ партій побѣждала и неумѣренно пользовалась правами побѣды, а другая была побиваема и преслѣдуема, то владыка принималъ гонимыхъ подъ свою защиту и давалъ имъ убѣжище во владычнемъ дворѣ или въ храмѣ св. Софіи; такъ напр. въ 1287 году, когда новгородцы неизвѣстно по какой причинѣ возстали на посадника Семена, пошли на него со всѣхъ концевъ и разграбили домъ его, «то Сменъ прибѣжалъ ко владыцѣ; и владыка провади и въ св. Софію и тако ублюде Богъ и заутра снидошася въ любовь.» (собр. р. л. III, 65). Вообще дворъ владыки и храмъ св Софіи считались мѣстомъ неприкосновеннымъ, мѣстомъ убѣжища, гдѣ всякій могъ скрываться, не боясь ярости народной. Новгородцы признавали такое право убѣжища и не рѣдко заранѣе сажали *на епископль дворъ* смѣняемыхъ князей или княжіихъ намѣстниковъ, чтобы обезпечить ихъ отъ ярости народной. Такъ въ 1136 г. новгородцы посадили на епископль дворъ изгоняемаго князя Всеволода; (собр. р. л. IV, 5) въ 1142 г. изгоняемаго князя Ростислава, (— III, 9); въ 1210 г. изгоняемаго князя Святослава (—III, 31); въ 1314 г. смѣняемыхъ намѣстниковъ в. к. Михаила Тверскаго. (—III, 7). Это дѣлали новгородцы, чтобы въ порывахъ ярости и негодованія не сдѣлать съ изгоняемымъ княземъ или намѣстникомъ какого нибудь жестокаго и оскорбительнаго поступка, въ которомъ пришлось бы въ послѣдствіи тяжко раскаяваться [1]).

---

[1]) Впрочемъ бывали случаи, что и владычній дворъ не доставлялъ безопаснаго убѣжища; такъ въ 1289 г. «убиша Самойла Ратьшинича *во владычни дворѣ*» (собр. р. л. III, 65). Точно также въ 1477 г. при паденіи Новгорода

Владыка бралъ подъ свою защиту гонимыхъ не только живыхъ, но и мертвыхъ. Такъ въ 1209 г. Новгородцы хотѣли лишить погребенія трупъ нелюбимаго и изгнаннаго посадника, но владыка не допустилъ этого. Лѣтопись говоритъ объ этомъ слѣдующее: «привезоша Дмитра Мирошкиница изъ Володимира и погребоша и у св. Георгія въ монастыри подлѣ отчя; а Новгородцы хотѣша нь съ мосту сврщи, но возбрани имъ арх. Митрофанъ.» (собр р. л. III, 30).

в) Когда же враждующія стороны были равносильныя и хотѣли рѣшить дѣло оружіемъ, то владыка являлся между ними въ качествѣ примирителя съ крестомъ въ рукѣ, и съ слѣдующими или подобными рѣчами: «дѣти! не доспѣйте себѣ брани а поганымъ похвалы, а св. церквамъ и мѣсту сему пустоты; не сьступайтесь на бой.» (собр. р. л. III, 8). И посредничество святителя бывало успѣшно, кровопролитіе прекращалось. Лѣтописи сохранили намъ три примѣра примирительнаго участія владыки въ новгородскихъ распряхъ. Въ 1342 г. на вѣчѣ поднятъ былъ вопросъ о причинахъ смерти новгородца Луки, убитаго вдали отъ Новгорода въ странѣ заболочской. Сынъ убитаго обвинялъ въ убійствѣ новгородскихъ гражданъ Ѳеодора и Овдрюшку. И обвинитель и обвиняемые нашли себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи: образовались два враждебныхъ вѣча и вступили въ борьбу между собою; бой былъ утромъ, уже послѣ обѣда явившійся владыка успѣлъ положить конецъ насиліямъ. (собр. р. л. III, 81—82). Въ 1359 г. славянскій конецъ смѣнилъ стараго посадника и выбралъ новаго; софійская сто-

---

Новгородцы убиша *у владыки во дворѣ* нѣкоторыхъ гражданъ, обвиненныхъ въ преданности Іоанну III-му и въ измѣнѣ Новгороду (—VI. 206). Впрочемъ можетъ быть это исключительные случаи: послѣдній объясняется особенно разстроеннымъ положеніемъ новгородцевъ.

рона вступилась за стараго посадника и пошла съ оружіемъ на славянскій конецъ; начались битвы и насилія. Тогда между враждующими сторонами явились старый вл Моисей и новоизбранный Алексѣй и убѣдили прекратить кровопролитіе. Чтобы побѣда не оставалась ни за тѣми, ни за другими, избранъ былъ новый посадникъ. (— III, 87). Въ 1418 г. вл. Симеонъ былъ примиряющимъ посредникомъ въ дѣлѣ о Степанкѣ и бояринѣ Божинѣ. Сколько мы могли понять это запутанное дѣло, многократно и витіевато изложенное въ лѣтописяхъ, оно представляло собою борьбу новгородской аристократіи съ чернью. Какой то простолюдинъ Степанко, поймавши на улицѣ боярина Божина къ которому вѣроятно питалъ личную антипатію, закричалъ: «друзи, пособствуйте ми на злодѣя сего!» и началъ бить его. Къ Степанкѣ присоединилось много товарищей: боярина избили и бросили съ мосту: какой то рыболовъ спасъ боярина въ лодкѣ, но за то поплатился разграбленіемъ собственнаго дома. Между тѣмъ избитый бояринъ не хотѣлъ остаться безъ удовлетворенія: онъ поймалъ Степанку и хотѣлъ сотворить отмщеніе, *и за то сташа чернь съ одиноя стороны, а съ другоя боляре.* Частное дѣло приняло общій характеръ; произошло много грабежа и убійства. Тогда вл. Симеонъ «не хоча кровопролитья въ христьянѣхъ, оболкся въ ризы, и весь сборъ иде со кресты, со владыкою на мостъ; и нача благословляти на всѣ стороны крестомъ, и плакати нача, и весь народъ нача призывати: Господи помилуй!... И утишися отъ брани народъ святителевымъ моленіемъ, и разъидошася кождо въ домы своя, славя Бога.» (собр. р. л. III, 107—8. 137, V. 117—118. V, 261). Народъ уважалъ примирительное посредничество владыки; почти послѣ каждой подобной исторіи въ лѣтописяхъ содержится приписка: «не допусти Богъ до конца діаволу порадоваться, но возвеличенъ бысть крестъ въ родъ и родъ.» (собр. р. л. III, 87). Послѣ исторіи о Степанкѣ содержится похвала

вл. Симеону. Но само собою разумѣется, что являться среди раздраженнаго народа было не особенно безопасно.

Скажемъ въ заключеніе, что владыка, зная образъ мыслей новгородцевъ, предостерегалъ ихъ отъ могущихъ быть общественныхъ смутъ, и спасалъ ихъ отъ беззаконныхъ и неразсчетливыхъ поступковъ, въ которыхъ они впослѣдствіи сами бы стали раскаяваться. Такъ въ 1210 г. когда Мстиславъ Торопецкій удалился изъ Новгорода, новгородцы хотѣли излить свою ярость на друзей Мстиславовыхъ, но были укрощены владыкою. Въ 1460 г. когда Василій Темный съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ поѣхалъ въ Новгородъ; вѣчники стали уговариваться, какъ бы его умертвить и съ дѣтьми. Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ представилъ всю его безполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына—соправителя; смерть стараго князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть къ новгородцамъ и навлечь на нихъ страшное мщеніе Іоанна, который и безъ того исчислялъ въ умѣ всѣ ихъ старыя неправды [1]).

3. *Дѣятельность владыки во время политическихъ бѣдствій Новгорода.*

Политическая жизнь Новгорода почти постоянно была подвержена опасностямъ. Новгородцы получили себѣ самостоятельное политическое существованіе, соединенное со многими правами и вольностями во время упадка велико-княжеской власти вслѣдствіе усобицъ. Когда удѣльный періодъ миновалъ, когда подъ бокомъ у Новгорода образовалось сильное великое княже-

---

[1]) Соловьева. Объ отнош. Новгорода къ князьямъ стр. 57—61.

женіе, сначала суздальское, потомъ тверское, наконецъ московское, то новгородцы почувствовали, что ихъ права и вольности также легко могутъ быть утрачены, какъ легко были пріобрѣтены. Дѣйствительно отъ такъ называемой суздальщины, т. е. похода суздальцевъ на Новгородъ въ 1169 г., до покоренія Новгорода, (1480 г.) рѣдкій изъ в. князей не грозилъ Новгороду серьезною опасностію. Въ 1169 г. была знаменитая суздальщина. Съ 1312 по 1318 г. продолжалась распря Новгорода съ в. кн. Михаиломъ тверскимъ, опасная для Новгорода, потому что Михаилъ всегда могъ пресѣчь новгородцамъ пути сообщенія и морить ихъ голодомъ. Въ 1340 г. Симеонъ Гордый съ войскомъ шелъ къ Новгороду и доходилъ до Торжка. Въ 1386 г. Димитрій являлся съ страшнымъ ополченіемъ подъ стѣнами Новгорода. Въ 1398 г. Василій Димитріевичъ воевалъ съ Новгородомъ и занялъ Волокъ, Торжокъ, Вологду и Бѣжецкій верхъ. Въ 1428 г. Витовтъ князь литовскій, едва не покорилъ Новгородъ, вошедши въ новгородскую область съ многочисленнымъ войскомъ. Въ 1440 г. и въ 1456 г. Василій Темный двигалъ сильную рать на Новгородъ. Наконецъ въ 1480 г. Іоаннъ III окончательно покорилъ Новгородъ послѣ троекратнаго похода въ 1471, 1478 и 1479 г. Мы исчислили только важнѣйшія опасности для Новгорода, не упомянувъ о менѣе важныхъ. Что же дѣлалъ владыка при этихъ политическихъ бѣдствіяхъ Новгорода? Само собою разумѣется, что владыка, какъ горячій патріотъ, не могъ оставаться спокойнымъ, когда вопросъ шелъ о томъ: *быть или не быть Новгороду*, когда всѣ Новгородцы были волнуемы самыми разнообразными ощущеніями страха и надежды, бодрости и унынія. Но дѣятельность владыки сообразовалась съ тѣмъ, какимъ способомъ новгородцы думали отдѣлаться отъ предстоящей опасности.

Иногда новгородцы воодушевлялись мужествомъ, рѣшались

идти на отчаянную борьбу и съ оружіемъ въ рукахъ спасать свою независимость. Такъ было въ годъ суздальщины, (1169 г.) во время нападенія Михаила тверскаго (1318 г.) и Василія Димитріевича (1398 г.) Въ такомъ случаѣ владыка благословлялъ новгородцевъ постоять крѣпко за св. Софію и дѣлалъ всѣ усилія, чтобы поддержать въ нихъ мужество. Такъ въ годъ суздальщины вл. Илія вышелъ съ образомъ Божіей Матери въ полномъ облаченіи и стоялъ подъ тучею стрѣлъ со стороны осаждающихъ (Собр. р. лѣт. V, 9—10). Такъ въ 1318 г. вл Давидъ сопутствовалъ новгородскому ополченію, шедшему противъ Михаила тверскаго (— III, 72). Но рѣдко новгородцы рѣшались на войну; чаще всего богатый городъ думалъ откупиться деньгами отъ предстоящей опасности. Въ такомъ случаѣ владыка долженъ былъ отправляться въ станъ непріятельскій съ предложеніями мира и денегъ и со многою мольбою. Случаи посольства владыки съ мирными переговорами уже исчислены нами выше.

Само собою разумѣется, что отъ владыки требовалось много мужества и самопожертвованія для спасенія Новгорода отъ опасности какъ войною, такъ и миромъ. Не безопасно было напр. стоять съ иконою подъ тучею стрѣлъ непріятельскихъ, или сопутствуя войску переносить всѣ невзгоды войны. Не безопасно было даже благословлять новгородцевъ на войну съ вел. княземъ, потому что за это можно было поплатиться церковнымъ отлученіемъ и заточеніемъ; какъ это показываетъ примѣръ вл. Іоанна. Послѣ того какъ владыка Іоаннъ (въ 1398 г.) благословилъ новгородцевъ на войну съ Москвою, то вскорѣ по заключеніи замиренія (1401 г.) вел. князь, убѣдивъ митрополита вызвать вл. Іоанна въ Москву будтобы для святительскихъ дѣлъ, посадилъ его въ Чудовъ монастырь и держалъ въ заточеніи три года съ половиною.

Точно также требовалось много самоотверженія, чтобы идти съ мирными предложеніями въ станъ непріятельскій. Хотя владыка вообще держалъ себя съ достоинствомъ, но иногда крайняя опасность Новгорода побуждала и его говорить смиренно. Лѣтопись не напрасно, говоря о посольствахъ владычнихъ, употребляетъ выраженіе: *со многою мольбою.*— Софійская лѣтопись такъ заставляетъ говорить вл. Ѳеофила предъ Іоанномъ III: «господине вел. кн. Ив. В. всея Русіи милостивый! Господа ради пожалуй винныхъ предъ собою людей в. Новгорода, своей отчины; учини, господине, свое жалованье, смилуйся о своей отчинѣ, уложи своего гнѣва, меча своего поуйми, огнь въ земли угаси, грозы своей утиши, старины своей не изруши, дай свѣта видѣти, смилуйся, какъ ти Богъ на сердце положитъ» (Собр. р. л. VI, 213). Должно замѣтить, что владыка не вдругъ еще былъ допущенъ на аудіенцію къ вел. князю.

Новгородцы очень хорошо понимали, какъ дорого стоитъ владыкѣ участіе въ спасеніи Новгорода отъ гибели и высоко цѣнили патріотизмъ своего пастыря. Это видно изъ тѣхъ смиренныхъ выраженій, какими они молили владыку благословить ихъ на войну или идти ходатайствовать о мирѣ. «Биша челомъ весь Новгородъ господину своему арх. вл. Алексѣю, чтобы еси господине ялся, ѣхати къ вел. князю» и проч. (— III, 91). Это видно также изъ тѣхъ сказаній, гдѣ владыки прославляются, какъ великіе патріоты, которые и по смерти горячо сочувствуютъ судьбамъ своего отечества. Такъ одно сказаніе сообщаетъ, что предъ паденіемъ Новгорода выступила кровь на гробахъ владыки Мартирія и другихъ владыкъ, какъ знаменіе близкой кончины Новгорода. Такъ въ сказаніи о видѣніи пономаря Тарасія цѣлый ликъ святителей встаетъ изъ гробовъ и молитъ Бога о спасеніи Новгорода отъ

грядущихъ бѣдствій. Такъ наконецъ по одной легендѣ, сохраненной въ псковскихъ лѣтописяхъ, новгородскіе святители стали являться первому владыкѣ московскаго избранія Сергію, и много претили ему, какъ онъ смѣлъ войти на престолъ Ѳеофила, неправедно, не по правиламъ изгнаннаго, котораго вся вина состояла въ преданности интересамъ Новгорода.

Вотъ все почти, что говорятъ намъ лѣтописи объ участіи древле русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ въ періодъ удѣльно-вѣчевата русской жизни.

Ф. Терновскій.

22 ФЕВ 1944

2007050248